

И. В. Лемешкин

(Прага)

ЧЕЛОВЕК БЫЛИННОГО СТИХА

Исследователи прошлого века, наблюдавшие исчезновение былинной традиции, отмечали любопытную особенность — эпический сюжет в ареалах своего бывшего бытования какое-то время давал о себе знать на уровне фразеологии. Сюжет и сама память о сюжете в стремительно меняющейся обстановке Русского Севера безвозвратно растворялись, однако отдельные былинные формулы и обороты еще длительное время воспроизводились: «Весело женился, да не с кем спать», «Конь у Кирина запинается. А под конем мать сыра земля прогибается», «Был бы от земли до неба столб, поворотил бы весь свет» и т.д.

Схожее явление можно до сих пор наблюдать в семье Юрия Александровича Новикова и Брониславы Кербелите, где былины и богатыри все еще продолжают изъясняться аутентичными формулами.

День в семье фольклористов нередко начинается с «воззвания» Добрыни Никитича, который, заплыв за последнюю струю Пучай-реки, оказался во власти Змея:

Дай ты мне, Змей, приодетися,

Дай ты мне, Змей, приобутися.

Именно так в кенозерской редакции «Добрыни и Змея» герой, сидя на камушке, обращается к своему грозному антиподу. Сейчас в доме Юрия Александровича эти слова чаще всего звучат из уст Брониславы, а заботливый «Змей Горыныч», следуя богатырскому этикету, немедля приносит тапочки или иные элементы гардероба своей «супротивнице».

Стоит отметить, что приведенный выше мотив не привнесен из книги и чрезвычайно редок³⁰. Как и многие другие стихи, про-

³⁰ См.: Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов

низывающие повседневный быт вильнюсских фольклористов, он является подлинным. Именно в таком музыкально-словесном выражении Ю. А. Новиков и Б. Кербелите некогда переняли былинку «Добрыня и Змей» у сказителей Кенозера. Студенческие записи шестидесятилетней давности, в том числе собранные неразлучной парой Кербелите-Новиков, в ожидании начала работы над 19-м томом серии «Былины» Свода русского фольклора хранятся в Архиве кафедры фольклора МГУ. Исследователь же, стремящийся познакомиться с былинной традицией в ее живом бытовании, должен навестить фольклористов на дому. Этой ценной возможностью до сих пор охотно пользуются студенты и молодые исследователи. Квартира на улице Доброй надежды (Gerosios vilties g.) становится для них своеобразной фольклорной лабораторией.

Вереница гостей, для которых Ю. А. Новиков и Б. П. Кербелите стали высоко ценимыми «информантами» и наставниками, за последние 10 лет заметно выросла, и тому есть свои причины. Оба профессора практически одновременно завершили многолетнюю преподавательскую деятельность, кроме того, были вынуждены отказаться от участия в заграничных конференциях и фольклористических школах, где ранее щедро делились богатым опытом.

Возможностью «домашнего просвещения» с удовольствием пользуются преподаватели и студенты Карлова университета, в памяти которых сохраняется фольклористическое событие 2005 г. Тогда по приглашению Карлова университета Ю. А. Новиков вместе с супругой посетил Прагу, где в стенах философского факультета и Национальной библиотеки (Klementinum) «оживил» своим исполнением старину. Пение былин, которое студент Новиков перенял от сказителей середины прошлого века, было знаменательным; записанная почти 50 лет назад, былина прозвучала там, где некогда выступали А. Д. Григорьев и В. И. Чичеров. Заграничные студенты этнологии, балтистики и славистики, приезжающие в Вильнюсский университет на стажировку, с благодарностью посещают вечерний факультет. Там, иногда в неформальной ситуации дружеского «почестного пира», они получают ценные консультации, слышат волшебную сказку, былинку, балладу... Исходя из своих научных предпосылок, Б. П. Кербелите преимущественно исполняет нарративную прозу, Ю. А. Новиков — песенный фольклор.

Доскональное знание традиционного мира деревни, ныне уже не существующего — отличительная черта Ю. А. Новикова. Система Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948. № 271, 273.

матические полевые исследования Русского Севера для него начались во времена студенчества (летом 1957 г., после окончания первого курса), продолжались после окончания филологического факультета МГУ в 1960 г. Под началом опытного учителя — Эрны Васильевны Померанцевой — полвека назад состоялось постижение фольклорных жанров. Именно тогда Ю. А. Новикову привелось тесно работать с одаренными сказителями Карелии и Архангельской области, причем работа, как правило, велась «в две смены». В первой половине дня студент МГУ помогал с сенокосом и другими изнурительными трудами страдной поры, а вечером слушал и записывал благодарных сказителей.

Шестьдесят лет назад Русский Север принял студента Новикова как своего, в свою очередь Юрий Александрович попытался приобщиться (в той мере, в которой это было еще возможным) к былинной традиции Заонежья, Восточного Обонежья, Каргополя... Ученик Э. В. Померанцевой сам стал носителем былинной традиции (вкуче с горсткой студентов-сверстников), причем сейчас его, наверное, можно считать и последним сказителем Русского Севера.

Приобщению Ю. А. Новикова к героико-эпической традиции Русского Севера способствовало несколько обстоятельств, о которых необходимо упомянуть хотя бы вкратце. Детские годы юбиляра тесно связаны с миром деревни, а именно — с селом Федоровка Неклиновского района Ростовской области. С ним связаны неизгладимые детские воспоминания о трагических событиях 8 октября 1941 г.: в тот день жители Федоровки наблюдали, как в их деревню заходит колонна немецкой техники. Детская память на всю жизнь запечатлела и день освобождения Федоровки от оккупантов.

Героико-военная тема насыщала жизнь и в последние годы войны, когда семья, переехав в Ростов-на-Дону, воссоединилась с отцом. Александр Новиков, получив в боях под Сталинградом серьезные ранения, обучал военному делу начинающих саперов, а после войны вернулся к привычному занятию — преподаванию истории.

Годы взросления отмечены еще одним благоприятным обстоятельством. Отец Ю. А. Новикова работал в школе для детей железнодорожников, поэтому на него и на членов его семьи распространялась профессиональная льгота в виде бесплатного проезда (раз в год) в любом направлении по территории СССР. В 1954 г., после окончания Юрой Новиковым девятого класса, отец и сын отправились в познавательное путешествие: железнодорожный маршрут с продолжительной остановкой в Москве вел в

Ленинград и обратно. Годом позже — с твердой уверенностью поступить в столичный вуз — Ю. А. Новиков поехал в Москву самостоятельно.

Первоначально молодой человек видел себя в романтическом и увлекательном образе геолога, однако, оказавшись в Москве, с сожалением понял, что его мечту разделяет слишком большое количество сверстников. Знаний по физике и химии, полученных в провинциальной школе, могло попросту не хватить (многие москвичи к поступлению в вуз готовились с репетитором), поэтому абитуриент был вынужден обратиться к иной области знаний. Блестящие перспективы открывались для поступления на исторический факультет, однако, будучи сыном историков (мать — тоже учитель истории), Юра Новиков не захотел идти проторенной стезей. Не имея возможности изучать точные науки и не желая посвящать себя истории, молодой человек избрал филологию. Когда на вступительном экзамене его попросили проанализировать произведение М. Шолохова, абитуриент дерзнул перечислить их изъяны. Художественные тексты, заявил он, пестрят диалектизмами, которые вполне понятны для экзаменуемого — уроженца донских степей, но составляют серьезное препятствие для «не степного» читателя романа. Кроме того, автор, по мнению будущего студента, «переборщил» с дедом Щукарем, вычурный образ которого является неестественным.

Печисленные подробности, связанные с ранней биографией Ю. А. Новикова, кажутся нам существенными, так как в некоторой степени проливают свет и на научно-филологический профиль юбиляра. Критические замечания, высказанные еще на вступительном экзамене по отношению к литературным текстам, согласуются с общеизвестной критичностью исследователя по отношению к корпусу былинных текстов. С другой стороны, в своей кропотливой текстологической работе над произведениями, сложившимися в эпическом пространстве Русского Севера, автор напоминает стратиграфа, который выделяет последовательные напластования геологических пород. Во всех исследованиях Ю. А. Новикова чувствуется и семейный потенциал, т. е. почерк профессионального историка, который в фольклористике последовательно борется с плодами вульгарно-примитивного историзма.

Возвращаясь к полевой деятельности середины прошлого века, следует констатировать, что для современного фольклориста опыт Ю. А. Новикова является недостижимым, поэтому наблюдения над динамикой развития былинного канона, высказанные собирателем-практиком, приобретают особую весомость.

По мере того как развивается научная мысль, появляются новые концепции и методы, рождаются и исчезают направления и школы, многое из ранее созданного — статьи и монографии прошлых лет — имеют тенденцию постепенно «устаревать», утрачивать былую значимость. При этом востребованность каталогизирующей, энциклопедической, справочной литературы в череде десятилетий, столетий неизменно сохраняется (достаточно вспомнить хотя бы о наследии В. Даля, к которому Ю. А. Новиков в своих работах неустанно возвращается). Профессором Новиковым создан образец «энциклопедического труда» — Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных текстов (СПб., 2001). Этому указателю суждено стать настольной книгой любого серьезного эпосоведа, когда и где бы он ни работал, к какой из теорий себя ни причислял.

Ю. А. Новиков — дотошный фольклорист-текстолог, поэтому на фоне многочисленных фольклористических сочинений его работы отличаются не только скрупулезностью, но и устойчивостью во времени. В них мы не находим балласта, красивых, но голословных спекуляций. За каждым выводом, утверждением кроются многолетние текстологические, типологические наблюдения. Обстоятельна доказательная база, всегда критически учитывающая все записи былинных текстов. Потому работы, написанные Ю. А. Новиковым, в том числе и статьи, полемически откликающиеся на перегибы историков, мифологов и пр., останутся востребованными очень долго, а может и всегда.

Настоящим событием стало появление книги Ю. А. Новикова «Сказитель и былинная традиция» (СПб., 2000), которую продолжили монографии «Динамика эпического канона» (Вильнюс, 2009) и «Эпический мир и способы его художественного воплощения (Из текстологических наблюдений над былинами)» (Вильнюс, 2013).

Выверенный исследовательский подход к фольклорному тексту, привитый Э. В. Померанцевой (ее увольнение из университета вследствие кадровой чистки 1958 г. никак не сказалось на тесном общении с учеником), обусловил современное положение дел: в Литве, России и за их пределами Ю. А. Новиков почитается как авторитетный знаток былин. Именно поэтому на протяжении многих лет он трудится над сюжетными научными комментариями к текстам былин для Свода русского фольклора. Трудоемкие комментарии вместе с текстологически выверенным изданием полевых записей, по сути, и делают Свод подлинно академическим изданием. По масштабу работы это издание трудно сравнить с

чем-либо еще в русской фольклористике (ближе всего в этой цели в свое время подошла А. М. Астахова), поэтому хочется надеяться, что Ю. А. Новиков и далее будет в составе авторского коллектива.

Совершенно по-особому Ю. А. Новикову благодарны Литва эпическая и Литва современная. Многолетняя кропотливая работа на благо обретенного здесь дома вылилась в целую серию фундаментальных работ по фольклору староверов Литвы и шире — Прибалтики.

Для меня большая ответственность и честь представлять в юбилейном сборнике единомышленников и коллег Ю. А. Новикова по Пражскому лингвистическому кружку. От их имени и от имени всех ценителей человеческих качеств и научных достижений Ю. А. Новикова —

МНОГИЯ ЛЕТА!